

К ВОПРОСУ ОБ ЭМПИРИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ОСНОВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье анализируется состояние и перспективы научных исследований особенностей правового формирования механизмов государственной власти в зарубежной и национальной системах права через призму междисциплинарных (межотраслевых) связей правовой конструкции механизма государственной власти. Констатируются стереотипические тенденции научного поиска эмпирического материала, его обработки и внедрения в активный познавательный дискурс. При помощи метода контент-анализа диссертационных исследований выявляются отдельные тенденциозные представления о формировании правовых политик противодействия правонарушениям в истории и географии юридической мысли.

Современная интернациональная правовая политика формирования механизмов государственной власти детерминирована совокупностью политико-правовых и социально-экономических факторов и уникальна для каждого отдельно взятого государства.

Государственный и правовой опыт России в сфере формирования механизмов государственной власти должен опираться на многообразие типов понимания социальной, публичной, политической, государственной власти, концепций правового регулирования, расширяя как хронологические, так и географические объемы эмпирического материала.

Ключевые слова: механизм государственной власти; состояние исследования; перспективы исследования; особенности исследования; правовая конструкция механизма государственной власти; российские и зарубежные исследования; междисциплинарные (межотраслевые) связи.

The article examines the state and prospects of scientific research on the features of the legal formation of state power mechanisms in foreign and national legal systems through the prism of interdisciplinary (intersectoral) relations of the legal structure of the state power mechanism. The article states the stereotypical tendencies of scientific search for empirical material, its processing and implementation in active cognitive discourse. Using the method of content analysis of dissertation research, certain tendentious ideas about the formation of legal policies to counteract offenses in the history and geography of legal thought are revealed.

Modern international legal policy of formation of state power mechanisms is determined by a combination of political, legal and socio-economic factors and is unique for each individual state.

The state and legal experience of Russia in the sphere of formation of mechanisms of state power should be based on a variety of types of understanding of social, public, political, state power, concepts of legal regulation, expanding both chronological and geographical volumes of empirical material.

Keywords: mechanism of state power; state of research; research prospects; research features; legal structure of the mechanism of state power; Russian and foreign research; interdisciplinary (intersectoral) relations.

Понимание категории механизма государственной власти в зарубежной и национальной системах права — это направление поиска, обретения, констатации, интерпретации и апробации эмпирического материала, свойственного не только теоретической науке.

Как известно, правовая политика формирования механизма государственной власти — это вырабатываемая и поддерживаемая госу-

дарством стратегия и тактика государственного строительства, обретающая формальное выражение посредством фиксации в нормах позитивного права ценностей государства, устанавливаемого им правового порядка, пределов и границ правового регулирования и государственного управления обществом, форм государственного воздействия на общество, общественные отношения, а также формального регламентирования социальных антиценностей. Именно на устранение или минимиза-

цию социальных антиценностей направлено действие механизма государственной власти, включая применение всех разновидностей публично-правовых средств и методов и иных мер, направленных на сокращение соответствующих фактов и уменьшение возникающего социального вреда.

Правовая политика формирования механизма государственной власти представляет собой часть единой правовой политики, в рамках которой определяются основные принципы и направления правового регулирования в позитивно-правовом смысле, происходит констатация индивидуальных и социальных интересов, формирование ценностных координат, криминализация антиценностей (признание деяний противоправными) и декриминализация ценностей (в виде социально нейтральных либо социально полезных желаемых обстоятельств).

Правовая политика формирования механизма государственной власти формируется и осуществляется многообразием элементов, составляющих в своей совокупности политическую систему общества, и ее наиболее эффективным институтом — государством (в узком смысле), всеми звеньями самого механизма государственной власти, которые участвуют в создании и толковании существующих норм права с целью уточнения их смысла в текущем историческом контексте.

Все без исключения элементы механизма государственной власти ориентируются на практическое применение норм и институтов позитивного права. Поэтому проблематика феноменологии власти вообще и государственной власти в частности, форм ее проявления, предпосылок и условий формирования и функционирования относится к разряду имманентно актуальных и непрерывно переосмысливаемых со времен образования соответствующих феноменов. Не утрачивает она своей остроты в современный период и, вероятно, не утратит актуальности в будущем.

Гуманитарная наука представляет собой грандиозный кластер информации о разнообразных частных научных гипотезах, частных теориях, научных подходах, группирующихся по разным параметрам и критериям схожих и различающихся научных доктрин о различных (общих и частных) закономерностях образования и функционирования государственной власти и ее механизмов.

Однако, по нашему мнению, именно множественность концепций и подходов к рассма-

триваемым феноменам приводит к упрощенному, подчас констатационно-поверхностному отношению к рассматриваемой проблематике. Не только на страницах учебников социологии, политологии, теории государства и права, конституционного права, государственного управления и т. п., но и в одноименных направлениях научных специальностей, а также в диссертационных исследованиях прослеживаются тенденции изложения рассматриваемых объектов через призму ложной уникальности, которая основана на убежденности отдельных индивидов (исследователей) о количестве и качестве представляемого к рассмотрению материала. Значительное число современных авторов склонны недооценивать распространенность среди других исследователей способностей и желания рассматривать интересующие объекты более основательно и, что очень важно, широкомасштабно.

Полагаем возможным согласиться с объективным критическим мнением Р.И. Зекрист, которая утверждает, что для выработки (или хотя бы попытки выработки) более или менее общезначимой концепции власти, которая особенно необходима в нынешнее бурное время, необходимо детальное знакомство если не со всеми, то с основными концепциями власти, выработанными в прошлом и настоящем [19, с. 39 — 44]. Однако помимо признания сформулированного тезиса и поддержки принципа применения к изучению феноменологии власти и ее механизмов полного системного синтеза научных знаний, считаем, что российская наука в целом опирается на западных и отечественных исследователей.

Констатируя состояние исследованности вопроса о формировании и функционировании механизмов государственной власти, можно говорить о нескольких видах стереотипов, которые сложились в отечественной юридической науке, и которые, по нашему мнению, следует пересмотреть для обеспечения универсальности и объективности научного осмысления объективной реальности.

Во-первых, необходимо отметить проблему формирования устоявшейся привычки большинства современных российских исследователей сужать перечень предыдущих изысканий тематики формирования и функционирования механизмов государственной власти до греко-латинских мыслителей прошлой эры, основных представителей западной либерально-буржуазной мысли, наиболее авторитетных современных отечественных исследователей.

Во-вторых, эмпирическая база рассматриваемого вопроса представлена, как по образцу, преимущественно юридическими источниками в формальном смысле, текстами нормативных правовых актов, источников международного права и т. п. Полагаем, что отечественные ученые уделяют недостаточно внимания древнейшим историческим источникам (памятникам) права, фиксирующим элементы механизмов государственной власти, с точки зрения их историографии и значения для научной эволюции рассматриваемого вопроса.

В-третьих, наблюдается стереотипическое сужение географии научных исследований до стран Европы и Северной Америки. Очевидна проблема недооценки опыта государственного и конституционно-правового строительства целого ряда регионов мира. Отсюда недостаток чуткого внимания к влиянию географических, геополитических и политико-правовых факторов, обусловленных результатами функционирования механизмов государственной власти «малоизученных» стран, на развитие России, как суверенного, правового, демократического государства, ее интеграции в систему международных отношений.

Очевидно, что теоретико-исторические и отраслевые направления юридических научных поисков испытывают дефицит верифицированного сравнительного материала для изучения основных особенностей концепций конституционно-правового регулирования политического устройства, системы правовых средств, предпосылок формирования и особенностей функционирования основных элементов механизмов государственной власти, особенностей национальных политик противодействия правонарушениям, создающих уникальные конституционно-правовые порядки. Полагаем, что современные компаративные исследования должны быть более сконцентрированы на таких регионах мира, как Центральная и Восточная Азия, Аравийский полуостров, Индия, Африканский континент, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия. Особенно актуальными для российской науки, по нашему мнению, в современный период являются исследования концепций построения и функционирования механизмов государственной власти, конституционно-правового регулирования соответствующих институтов в странах Северо-Восточной Азии. Именно в этих странах обуславливаются объекты конкурентной среды между государствами, реализуются ценности (ценностные ориентиры) и модели

общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы таких стран, как Япония, Монголия, Китайская Народная Республика, Корейская Народная Демократическая Республика и Республика Корея. В концепциях конституционно-правового регулирования формирования и особенностях функционирования основных элементов механизмов государственной власти, обеспечивающих реализацию соответствующих национальных правовых политик противодействия правонарушениям, стран Северо-Восточной Азии закладываются возможные предпосылки к обострению противоречий, связанных с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния данных стран, обострением борьбы за ресурсы, во многом сосредоточенные на российском Дальнем Востоке, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями в рамках стратегически значимого геополитического пространства.

Можно привести в качестве примера десятки диссертационных исследований не только отраслевого характера, но даже и историко-теоретической ориентированности, в обязательной части структуры которых присутствует раздел «Состояние исследованности», где идут внушительные списки преимущественно двух групп ученых. В качестве примера можно привести диссертационные исследования С.И. Барзилова [17], М.А. Исаева [21], О.Н. Фомина [35], А.С. Федотова [36] и др.

В первую группу включаются традиционно греко-римские столпы гуманитарной мысли, мыслители эпохи великих европейских буржуазных революций и наиболее «раскрученные», подчас одиозные, представители зарубежной и отечественной политической, государственной и правовой мысли, символизирующие своими работами определенные политико-правовые тренды. Реже в списках исследователей фигурируют представители социалистической (советской) школы, еще реже встречаются констатационные упоминания о представителях религиозных и религиозно-традиционных концепций формирования и функционирования механизмов государственной власти, непосредственно реализующих национальные политики противодействия правонарушениям.

Вторую группу традиционно представляют наиболее активные и объективно состоятельные с научной точки зрения отечественные ученые, подробно раскрывающие феноменологию отдельных проявлений механизмов государ-

ственной власти, их формирования и функционирования. В данном случае не ставятся под сомнение честность и объективность, научная новизна, научные гипотезы и высказываемые доктринальные позиции, а лишь констатируется потребность в более разностороннем рассмотрении обозначенных объектов исследования. В качестве примера можно привести диссертационные исследования И.С. Масликова [24], Е.Е. Прокошенковой [29], З.А. Калова [22] и других, где компаративный материал исследования преподносится описательным образом, при котором читателю необходимо самостоятельно формировать представление о конкретном смысловом содержании искомых категорий формирования и функционирования механизмов государственной власти, искать «общее» и «особенное».

Применительно к тезису о необходимости обобщения концептуальных признаков государственной власти и ее механизмов, реализующих национальные политики противодействия правонарушениям, параллельно с прозвучавшим выше критическим отношением к использованию количества доктринальных воззрений в отношении рассматриваемого вопроса, необходимо сказать еще об одном аспекте, связанном с хронологией эмпирического материала, который целесообразно привлекать для раскрытия исследуемого объекта.

В большинстве научных работ список исследователей начинается с имен Платона и Аристотеля. Как известно, жизнедеятельность и творчество Платона датируется 429(27) – 347 годами до нашей эры, Аристотеля – 384 – 322 годами до нашей эры, однако и в трудах названных мыслителей существуют ссылки на предшественников. Например, Платон в своем труде «Государство» упоминает о Фалесе, чье творчество датируется 640(624) – 548(545) годами до нашей эры, представителе ионической натурфилософии и основателе милетской (ионийской) школы, с которой начинается история европейской науки.

Европейская научная школа, ее письменные и исторические источники, отображавшие представления о государстве, государственной власти и ее механизме, по нашему мнению, не являются самыми ранними артефактами человеческой мысли, и поэтому в разделе исследования рассматриваемой темы необходимо акцентировать внимание на других, более ранних материальных источниках эмпирического материала, а также на расширении географии исследования, обращаясь к наследству научных

школ из других регионов мира, обеспечивая таким образом полноту, системность и достоверность научных обобщений.

Полагаем возможным поставить вопрос о необходимости констатации исторических вех в рассмотрении вопроса о формировании и функционировании механизмов государственной власти, реализующих национальные политики противодействия правонарушениям.

В данном контексте целесообразно обозначить период исторических предпосылок формирования механизмов государственной власти, начиная с момента образования фактов возникновения культурно-исторических цивилизаций: возраст китайской цивилизации насчитывает порядка 5000 лет; Элам (Персия с 3200 года до нашей эры (Иран), с именем фараона (главы государства) Минесом, отождествляют раннюю государственность Египта, датированную 3000 годом до нашей эры; Колхидское царство на востоке от Черного моря и Иберия (их протогосударственные формы (Грузия) датируются третьим – вторым тысячелетием до нашей эры, а также расположенная на территории востока современной Грузии Ванланг, цивилизация вьетов, – 2800(900) лет до нашей эры (Вьетнам), страна Шан-Инь в Китае образовалась порядка 1600 лет до нашей эры; Древнее Меровитское царство или Куш, было основано в 1070 году до нашей эры (Современный Судан); государство Чин на Корейском полуострове, по одним данным 2333 год, по другим – 300 год до нашей эры; Анурадхапура существовала как минимум с 10 века до нашей эры, достоверно наличие государственности с периода царствования Пандукабхайе в 377 году до нашей эры на острове Шри-Ланка; Арманум – 2300 – 1600 годы до нашей эры, Арматана – 1800 – 1600 годы до нашей эры, Ишува – 1700 – 1200 годы до нашей эры, Алше – 120 – 900 годы до нашей эры, государство Хайаса – 1600 – 1300 годы до нашей эры, Арме-Шубрия – 1300 – 900 годы до нашей эры, государство Урарту – 1300 – 600 годы до нашей эры (Армения); Ямато на территории Японии – 1 век до нашей эры.

Кроме того, имеет смысл обратить внимание на ранние исторические письменные источники, в которых отражается специфика природы государственной власти и ее механизмов, реализующих национальные политики противодействия правонарушениям соответствующих периодов.

Одним из самых ранних письменных источников, фиксирующих факт существования государственной власти, одновременно явля-

ющимся самым древним письменным историко-культурным артефактом человечества, является полная версия эпоса о Гильгамеше [18] или поэма «О все видавшем», которая была найдена английским археологом Остином Генри Лэйярдом [20] в середине XIX века при проведении археологических раскопок библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала (древняя Ниневия, ныне окраина города Мосул в Ираке) в виде клинописи на 12 глиняных шестиколонных дощечках на аккадском языке. Артефакт включал в себя около 3000 стихов (8 – 7 века до нашей эры). В источнике религии древних ассирийцев констатируется как социальное разделение, так и наличие государственной власти, где присутствуют полубог Гильгамеш, царь Урука и человек из глины Энкиду.

Другой письменный артефакт, фиксирующий свидетельство существования механизмов государственной власти, также относится к древнейшим письменным историко-культурным памятникам человечества. «Книга мертвых» (современное, более точное название: «Главы о выходе к свету дня»), открытая миру египтологом Карлом Лепсиусом [23, с. 289 – 290], датируется периодом с 6 по 1 век до нашей эры. В текстах, обнаруженных в погребальных захоронениях в районе города Фивы, материальным носителем которых был папирус, украшенный рисунками, изображены элементы механизма государственной власти и стадии загробного суда, переносимые на стадии реализации государственной власти, что, кажется, имеет признаки правовой политики противодействия правонарушениям.

Одним из ключевых источников эмпирического материала, определяющего концепции формирования и функционирования механизмов государственной власти не только в историческом, но и в современном формате, на наш взгляд, являются древние ветхозаветные рукописи, которые датируются 3 веком нашей эры. Следует упомянуть о рукописях (свитках), найденных в окрестностях Вади-Кумран на Западном берегу реки Иордан, рядом с израильским кибуцом Калия, иначе именуемых рукописями Мертвого моря. Из обнаруженных приблизительно 400 текстов – 175 имеют отношение к Библии, в частности, все ветхозаветные книги (в неполном изложении), кроме книги Есфирь. Ученые полагают, что самыми ранними из найденных документов являются копии Книги Самуила (1-й и 2-й Книги Царств), возраст которой датируется 3 веком до нашей эры, два манускрипта книги проро-

ка Исаии (полный и неполный), датируемые 2 веком до нашей эры.

Следует отметить, что до открытия рукописей Мертвого моря в 1947 году, самым древним еврейским текстом был масоретский манускрипт, произведенный приблизительно в 900 году нашей эры.

Примечательно, что сравнительное исследование рукописей Мертвого моря и масоретского манускрипта, разница в возрасте которых составляет почти 1000 лет, показывает высокую степень аутентичности документов, свидетельствующей о наличии устоявшейся системы передачи информации в древнем мире и консервативных технологиях ее копирования.

Ученый Глисон Арчер [5] пишет, что найденные в пещере Кумрана копии книг пророка Исаии «оказались слово в слово совпадающими с нашей стандартной еврейской Библией на более чем на 95 процентов объема текста. А 5 процентов различий сводятся, главным образом, к очевидным опискам и к вариантам написания слов» [1, с. 366].

Отдельное место для европейской цивилизации в разряде культурно-исторических артефактов, ставший источником познания о формировании механизмов государственной власти, занимает Синайский кодекс, датируемый 4 веком нашей эры. Первые 43 страницы кодекса были найдены немецким ученым Константином Тишендорфом [33] в 1844 году в библиотеке монастыря Святой Елены на Синайском полуострове. Примечательно, что полный текст Нового Завета и два произведения раннехристианских авторов – «Послание Варнавы» и «Пастырь» Гермия – до 1933 года хранились в Императорской национальной библиотеке в России. В данный момент артефакт разделен на четыре фрагмента, хранящихся в Национальной российской библиотеке, Британском музее, университете Лейпцига и монастыре Святой Елены.

Уместно также упомянуть о двух Евангелиях Гаримы, хранящихся в Эфиопии, в монастыре святого Гаримы, который расположен недалеко от города Адуа, датируемых периодом с 330 по 650 годы нашей эры. Евангелия написаны на специальном письменном языке геэз древней Абиссинии.

Индобуддийские концепции формирования механизмов государственной власти в том или ином виде отображены в Алмазной сутре, которую называют второй в мире печатной книгой. Алмазная сутра содержит основополагающий текст буддизма, и была напечатана

на методом ксилографии — оттиска гравюр [37, с. 135 — 141]. Книга представляет собой свиток из шести листов текста и одной гравюры, на которой изображен Будда. Свиток длиной почти в пять метров нашел археолог Марк Стейн [11] в пещере Магао недалеко от города Даньхуаня на западе Китая в 1900 году [34, с. 52 — 59].

В.В. Муравьев справедливо утверждает, что различные аспекты заявленной темы отражены в текстах, относящихся к указанному периоду и региону. Обсуждения, свидетельства и оценки смертей, взаимодействия полов, деторождения, отношений родственников, питания, войны и мира, болезней и целительства представлены в текстах Месопотамии: «К стране неизбежной», «Когда вверху», «Об увидевшем все», сводах законов и документах Шумера, Вавилонии и Ассирии; в египетских «Текстах пирамид», «Текстах саркофагов», «Книге мертвых», иных теологических и исторических сочинениях, «Речениях Ипусера», жизнеописаниях вельмож, указах, поучениях, завещаниях и надписях царей; в «Библии», текстах Ветхого и Нового Завета; в индийских «Ведах», книгах «Махабхараты», шастрах, упанишадах, текстах «Типитаки»; в надписях персидских царей, ранних разделах «Авесты»; в китайских памятниках «Ши цзин» и «И цзин», исторических сочинениях, трактатах китайских мыслителей [27, с. 3].

Очевидно, что для верификации научных знаний и объективации научных исследований в области констатации правового формирования механизмов государственной власти в зарубежной и национальной системах права через призму междисциплинарных (межотраслевых) связей правовой конструкции механизма государственной власти необходимо привлекать эмпирические материалы лингвистических, социальных, экономических, психических, биологических явлений и процессов, как концепций самоорганизации. Такие исследования нашли свое выражение в трудах российских, а также западных ученых: У.Р. Эшби, Н. Винер, К. Шеннон, А. Тьюринг, Л. фон Берталанфи, Г. Паск, Д. Ленат, И.А. Акчурин, М.Д. Ахундов, Л.Б. Баженов, А. Богданов, Е.С. Бойко, М.В. Волькенштейн, С.И. Волянский, А.В. Гапонов-Грехов, Ф. Гельхар, П. Грассбергер, Р. Грехем, В.Е. Давидович, Ю.А. Данилов, С.В. Илларионов, М.К. Иовитс, В.В. Казютинский, С.П. Капица, А.С. Кармин, Р.С. Карпинская, Л.П. Киященко, В.П. Кохановский, В.И. Кузнецов, И.К. Лисеев, И.В. Лупандин,

К. Майнцер, Г.Г. Малинецкий, Е.А. Мамчур, С.В. Мейн, И.П. Меркулов, Л.А. Минасян, А. Мюллер, Е. Накамура, А.А. Печенкин, А.Б. Потапов, В.В. Тарасенко, М.И. Рабинович, М.Ю. Романовский, Г.И. Рузавин, Ю.В. Сачков, А.А. Силин, В.С. Степин, Г. фон Форстер, У. ван дер Хайден, Ю.В. Чайковский, Э. Шредингер, М. Штадлер, Б.Г. Юдин, Э. Янч и др.

Конечно, в рамках одной публикации очень трудно провести систематизацию всех эмпирических материалов и всю географию научных исследований формальных, материальных, исторических источников права и правовых политик формирования и функционирования механизмов государственной власти, существующих теоретических представлений, частных научных теорий, накопленных мировой практикой.

Тем не менее, не противопоставляя научное сообщество по географическому принципу, а лишь имея целью актуализировать внимание на расширении горизонтов научного поиска и обработки объективных научных эмпирических данных и популяризировать научные разработки в сфере формирования и функционирования механизмов государственной власти, предлагаем обратить внимание на методологические подходы к описанию состояния исследованности проблем в контексте, констатации роли механизмов государственной власти, складывающиеся в странах Северо-Восточной Азии, через призму междисциплинарных (межотраслевых) связей правовой конструкции механизма государственной власти.

В Китайской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике, Республике Корея, Монголии и Японии происходит уникальное для национального конституционного строительства и мирового опыта конституционализма в целом провозглашение как общепризнанных, так и самобытных правовых ценностей. Это, в свою очередь, определяет направления политики рассматриваемых государств и формы их осуществления, как закрепленные в нормах позитивного конституционного права, так и предполагаемые, неофициальные, латентные, но тем не менее обусловленные объективными и субъективными факторами интересов.

Специальные юридические и конституционно-правовые исследования японского опыта содержатся в трудах таких японских исследователей, как Хироши Ода, Судзуки Ёсио, Такаянаги Кэндзо, Накаяма Кэнити, Кида Дзюнити [26]. Особенно в названном контексте следу-

ет отметить следующие работы: Аоки М. [16], Иноуэ Киёти, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси, Иноуэ Киёти, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси [20], Мияджима Х. [25], а также Cohen J. [2], Cohen Th. [3], Dore R.P. [4], Gayle C. [6], Inkster I. [7], Johnson Ch. [8], Mosk C. [9], Streeck W., Yamamura K. [12], Takeuchi H., Shibata T. [13], Tsuru Sh. [14], Tsutsui W. [15] и др.

В китайской научной литературе отдельные аспекты политической культуры Китая рассматривают Фэн Юлань, Ян Юнго, Ван Хунин, Линь Шанлинь, Чжан Шаогуа, Оу Янцзин, Чжу Хуанхэ, Ан Цзингун, Ван Шаосинь, Сюй Датун, Чжан Синцзю, Ши Сюегуа, Лин Сунлэ, Ван Лю, Ду Чженцина, Ли Цицзя, Лю Сягана, Лян Юйхуа, Пэн Шаоюя, Су Фэнчана, Хань Дэпэя, Хуан Чживу, Чжуань Гао, Чэнь Ханьгуана.

Вопросам влияния демографического фактора на социальную ситуацию в КНР отводится важное место в работах таких китайских ученых, как Кан Цзянь, Лю Цзунчао, Ма Гочи, Нин Хэ, Цзя Кан, Чэнь Пин, Чжоу Юаньхэ, Юй Тяньсинь и др.

Поскольку концепция устойчивого развития в настоящее время в Китае, впрочем, как и во всем мире, становится значимым предметом изучения, то с этой точки зрения особый интерес представляют работы Ли Лушэня, Лу Юньбиня, Тан Юцина, Хуан Шижуя, Чжан Фэнаня, Чжоу Сяохуна, Чжоу Чуньжуна, Чэнь Мэйхао, Юй Яньхуэя и др.

Наиболее серьезными исследованиями, отображающими признаки формирования корейских механизмов государственной власти в контексте реализации национальных политик противодействия правонарушениям, по нашему мнению, являются работы корейских ученых: Хон Вон Так, Ким Хюн Гу, Ким Ян Дук, Ким Вон Ён, Ли Ги Дон, Ли Чон Мён, Ли Хон Джик, Ли Хун Джон, Ли Ён Бум, Им Дон Квон и др.

Полагаем возможным опираться на экспертные исследования механизмов государственной власти в контексте реализации национальных политик противодействия правонарушениям монгольских ученых, таких как Балдоо Б., Дамдинсурэна С., Хайсандая Л., Баярхуу Д., Лхамсурэна Б., Хашбата Л., Чулуунбатара Г., Энхцэцэг, Д. Балдан-Очир, Н. Дашзэвэг, Ц. Балболд, Ж. Жасрай, Л. Лхамсурэн, Л. Лхагва, П. Очирбат, Д. Моломжамц, Б. Тумэн, Б. Цэрэнбалжир и др.

Кроме того, заслуживают внимания работы монгольских исследователей Нацагдорж Ш.

[28], Санждорж М. [32], Сандаг Ш. [31], Пурэвжав С. [30] и др.

В заключение попытаемся синтезировать тезисы, прозвучавшие в предлагаемой работе и имеющие прямое отношение к вопросу об эмпирической и научной основе отечественных научных исследований правовой конструкции механизма государственной власти.

По нашему мнению, следует поставить вопрос перед передовым научным сообществом о переосмыслении методологических подходов и изменению стереотипов в поиске, обработке, использовании эмпирического материала в теоретических, сравнительно-правовых, конституционных и других фундаментальных направлениях научных исследований, для обеспечения универсальности и объективности научного осмысления объективной реальности.

Первое. Необходимо отметить проблему формирования устоявшейся привычки большинства современных российских исследователей сужать перечень предыдущих изысканий тематики формирования и функционирования механизмов государственной власти до греко-латинских мыслителей прошлой эры, причем, без раскрытия подлинного генезиса, формирования научных представлений по рассматриваемому вопросу. Равнозначно можно говорить о привлечении в научный оборот частных научных теорий преимущественно представителей западной, приоритетно либерально-буржуазной мысли, а также созвучных названным исследований наиболее авторитетных современных отечественных ученых.

Второе. Эмпирическая база рассматриваемого вопроса должна имманентно расширяться не только за счет привлечения вновь созданных или ранее не используемых для научного анализа юридических источников права в формальном смысле — текстов нормативных правовых актов, источников международного права и т. п. Полагаем необходимым обратить внимание отечественных ученых на исторические источники права, детерминирующие систему представлений и определяющие концепции формирования и функционирования механизмов государственной власти, их генезис и эволюцию. В данном контексте особенно важно опираться на древнейшие исторические источники (памятники) права, фиксировавшие элементы механизмов государственной власти, с точки зрения не только их историографии и значения для научного прогресса в рассмотрении заданного вопроса, но и заложенных

в них типов правопонимания, специфики юридической техники, фиксирующих в памятниках права детали и признаки механизмов правового регулирования и государственной власти, понимания природы и сущности власти вообще, государственной власти и ее механизмов в частности.

Третье. Особенно важным направлением научного поиска, в нашем понимании, должно стать диверсифицированное применение поиска, переработки и использования эмпирических данных, отказ от стереотипического сужения географии научных исследований только до стран Европы и Северной Америки. Необходима констатация проблемы недооценки опыта государственного и конституционно-правового строительства целого ряда регионов мира, признание влияния географических, геополитических и политико-правовых факторов, обусловленных результатами функционирования механизмов государственной власти «малоизученных» стран на развитие России как суверенного, правового, демократического государства, ее интеграции в систему международных отношений. Для этого в инструментарий научного поиска необходимо внедрять синтетические междисциплинарные методы исследования. Например, правовую (юридическую) или конституционно-правовую географию, – раздел (или отрасль) юридической географии, представляющий собой совокупность знаний о фактах и закономерностях размещения по территориальному пространству земного шара отраслей конституционного права, складывающихся в рамках национальных систем права, отдельных конституционно-правовых институтов и конституционно-правовых норм, а также практики конституционно-правового строительства государств и политических систем современного мира, характеризующих их индивидуальные особенности и общие признаки, специфику развития и изменения, наличие сходных и различающихся проблем [38].

Четвертое. Концепции конструкции механизма государственной власти, с точки зрения обретения полноты представлений и научного плюрализма, необходимо интерпретировать интегрированно с другими общенаучными и специальными методами исследования, через призму категории «интересы», которая фигурирует в контексте другой юридической категории «ценности» и рассматривается в рамках общей и правовой аксиологии. Значимость данных категорий для современной научной

мысли подтверждается тем фактом, что соответствующие исследования сформировали самостоятельное научное направление – теорию ценностей, именуемую *аксиологией*. Однако интересы в теории ценностей изучены, на наш взгляд, недостаточно подробно. Поэтому предлагается отдельный методологический сегмент научных инструментов, который мы склонны называть *правовой эстологией*, которую можно позиционировать как систему обобщенных знаний о наиболее общих закономерностях формирования интересов как ценностей права и ценностей в праве, их возникновения и развития, связанных с ними иных государственно-правовых явлений, детерминированных интересами и детерминирующих интересы формирования и функционирования механизмов государственной власти.

Пятое. В исследованиях формирования и функционирования механизмов государственной власти необходимо оперировать и обобщать большие массивы информации правового характера, поступающей из различных стран современного мира за счет лингвистической специализации по языковым группам.

Для решения поставленных задач на передний план выходит использование методов юридической компаративистской лингвистики, которая рассматривается нами как раздел гуманитарной науки, представляющий собой синтез юриспруденции и филологии, систему знаний об устном или письменном использовании языка в процессах коммуникации и исследования государственных и правовых обстоятельств реальной действительности.

Шестое. Считаю, что к современному периоду развития конституционно-правовой науки категории власти (государственной власти) и ее механизма, содержащиеся в позитивном конституционном праве в виде юридических конструкций, содержат значительные признаки юридико-технической неопределенности [39].

В данном контексте полагаем, что конституционно-правовая, гуманитарная и естественная науки должны объединить усилия по выявлению, описанию и формализации признаков власти, формирования и функционирования механизмов государственной власти с целью их последующей формализации, которая, в свою очередь, может существенно упростить прогнозирование будущего состояния социальных систем, установление торжества права, справедливости, правового закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Archer Gleason*. The Chronology of the Old Testament. IN: The Expositor's Bible Commentary. Frank E. Gaebelein, Editor. — Zondervan. Grand Rapids, Michigan. 1979. Vol. I. p. 366.
2. *Cohen J.* Japan's Economy in War and Reconstruction (Minnesota, 1949), Japan's Postwar Economy. — Indiana, 1958.
3. *Cohen Th.* Remaking Japan. The American Occupation as New Deal. — N. Y., 1987.
4. *Dore R.P.* Land Reform in Japan. — London, 1959.
5. Encyclopedia of Bible Difficulties. — Zondervan Corporation, 1982.
6. *Gayle C.* Marxist History and Postwar Japanese Nationalism. — London, 2003.
7. *Inkster I.* The Japanese Industrial Economy. Late development and cultural causation. — L., N. Y., 2001; Institutional and Technological Change in Japan's Economy: Past and Present (Contemporary Japan) ed. by Hunter J., Storz C. — N. Y., 2006.
8. *Johnson Ch.* The MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy. 1925 — 1975. — Stanford, 1982.
9. *Mosk C.* Japanese Industrial History: Technology, Urbanization and Economic Growth. — N. Y., 2001.
10. *Peck William H.* «Lepsius, Karl Richard». In The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt, edited by Donald Bruce Redford. Vol. 2 of 3 vols. Oxford, New York, and Cairo: Oxford University Press and The American University in Cairo Press, 2001. P. 289 — 290.
11. *Sir Aurel Stein* [Электронный ресурс] : <https://www.britannica.com/biography/Aurel-Stein> (дата обращения: 07.04.2019).
12. *Streeck W., Yamamura K.* The Origins of Nonliberal Capitalism: Germany and Japan in Comparison. — N. Y., 2001.
13. *Takeuchi H., Shibata T.* Japan, Moving Toward a More Advanced Knowledge Economy: Advanced Knowledge Creating Companies. — Washington, 2006.
14. *Tsuru Sh.* Institutional Economics Revisited. — Cambridge, 1993.
15. *Tsutsui W.* Banking policy in Japan. American efforts at reform during the Occupation. — N. Y., London, 1988.
16. *Аоки М.* Фирма в японской экономике. Информация, стимулирование и заключение сделок в японской экономике. — СПб., 1996.
17. *Барзилов С.И.* Взаимодействие социальной и политической систем современного общества : дис. ... д-ра социол. наук. — Ростов н/Д., 1992.
18. *Гумилев Н.С.* Гильгамешъ. — Пг. : Изд. Гржебина, 1919 (Перевод-переложение с французского).
19. *Зекрист Р.И.* Типология концепций власти: философский анализ // Социум и власть. — 2013. — № 2. — С. 39 — 44.
20. *Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси.* История современной Японии. — М. : Изд-во иностр. лит., 1955.
21. *Исаев М.А.* Механизм государственной власти в странах Скандинавии. Конституционно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 371 с.
22. *Калов З.А.* Совершенствование механизма межбюджетных отношений в условиях трансформации государственной власти : дис. ... д-ра эконом. наук. — Владикавказ, 2004. — 306 с.
23. Лейард Остин Генри // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А.М. Прохорова. — 3-е изд. — М. : Совет. энцикл., 1969.
24. *Масликов И.С.* Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — 217 с.
25. *Мияджима Х.* Приватизация акционерной собственности бывших дзайбацу и возникновение в Японии опирающихся на банки корпоративных группировок // Корпоративное управление в переходных экономиках. Инсайдерский контроль и роль банков / под ред. М. Аоки, Х. Кима. — СПб., 1997.
26. *Морозов Н.А.* Преступность и борьба с ней в современной Японии [Электронный ресурс] : DissertCat: научная библиотека диссертаций и авторефератов. — <http://www.dissertcat.com/content/prestupnost-i-borba-s-nei-v-sovremennoi-yaponii#ixzz4l7r0FAE5> (дата обращения: 07.04.2019).
27. *Муравьев В.В.* Культурные факторы динамики народонаселения в первобытном обществе и древних цивилизациях Востока : дис. ... д-ра философ. наук. — СПб., 2009. — 309 с.
28. *Нацагдорж Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. — М., 1954.
29. *Прокошенкова Е.Е.* Разделение властей как принцип механизма осуществления государственной власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 194 с.
30. *Пурэвжав С.* Монгол дахь шарын шашны хураан-гуй туух. — Улаанбаатар, 1978.
31. *Сандаг Ш.* Внешнеполитические отношения Монголии. 1850—1919 гг. Кн. 1. Ликвидация маньчжурского господства и провозглашение независимости Монголии. Монархия Богдо-хана. 1850—1911. — Улан-Батор, 1971.

32. Санждорж М. История Народного государства. — Улан-Батор, 1974.
33. Тишendorf Константин // Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890 — 1907.
34. Торчинов Е.А. Опыт текстологического анализа китайских переводов «Ваджраччхедика-Праджняпарамита-сутры» // Философские вопросы буддизма / отв. ред. В.В. Мантатов. — Новосибирск : Наука, 1984. — С. 52 — 59.
35. Фомин О.Н. Политические механизмы регулирования общественных отношений : дис. ... д-ра полит. наук. — Саратов, 2002.
36. Федотов А.С. Гражданское общество в России: параметры адекватной теории : дис. ... д-ра полит. наук. — Саратов, 2004.
37. Шомахмадов С.Х. Изучение «Алмазной сутры» из коллекции ИВР РАН: прошлое, настоящее, будущее // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Тр. участников науч. конф. — СПб. : Изд-во А. Голода, 2012. — С. 135 — 141.
38. Юрковский А.В. К вопросу о понятии «юридическая (конституционно-правовая) география» // Законы России. — 2008. — № 2. — С. 120 — 124.
39. Юрковский А.В. Аналогии в естественных и гуманитарных науках при осмыслении понятия власти (государственной власти) и ее механизма: генезис конституционно-правовой гносеологии // Сиб. юрид. вестн. — 2020. — № 2 (89). — С. 34 — 41.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Archer Gleason. The Chronology of the Old Testament. IN: The Expositor's Bible Commentary. Frank E. Gaebelien, Editor. — Zondervan. Grand Rapids, Michigan. 1979. Vol. I. p. 366.
2. Cohen J. Japan's Economy in War and Reconstruction (Minnesota, 1949), Japan's Postwar Economy. — Indiana, 1958.
3. Cohen Th. Remaking Japan. The American Occupation as New Deal. — N. Y., 1987.
4. Dore R.P. Land Reform in Japan. — London, 1959.
5. Encyclopedia of Bible Difficulties. — Zondervan Corporation, 1982.
6. Gayle C. Marxist History and Postwar Japanese Nationalism. — London, 2003.
7. Inkster I. The Japanese Industrial Economy. Late development and cultural causation. — L., N. Y., 2001; Institutional and Technological Change in Japan's Economy: Past and Present (Contemporary Japan) ed. vu Hunter J., Storz C. — N. Y., 2006.
8. Johnson Ch. The MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy. 1925 — 1975. — Stanford, 1982.
9. Mosk C. Japanese Industrial History: Technology, Urbanization and Economic Growth. — N. Y., 2001.
10. Peck William H. "Lepsius, Karl Richard". In The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt, edited by Donald Bruce Redford. Vol. 2 of 3 vols. Oxford, New York, and Cairo: Oxford University Press and The American University in Cairo Press, 2001, pp. 289 — 290.
11. Sir Aurel Stein [Elektronnyj resurs] : <https://www.britannica.com/biography/Aurel-Stein> (data obrashcheniya: 07.04.2019).
12. Streeck W., Yamamura K. The Origins of Nonliberal Capitalism: Germany and Japan in Comparison. — N. Y., 2001.
13. Takeuchi H., Shibata T. Japan, Moving Toward a More Advanced Knowledge Economy: Advanced Knowledge Creating Companies. — Washington, 2006.
14. Tsuru Sh. Institutional Economics Revisited. — Cambridge, 1993.
15. Tsutsui W. Banking policy in Japan. American efforts at reform during the Occupation. — N. Y., London, 1988.
16. Aoki M. Firma v yaponskoj ekonomike. Informaciya, stimulirovanie i zaklyuchenie sdelok v yaponskoj ekonomike. — SPb., 1996.
17. Barzilov S.I. Vzaimodejstvie social'noj i politicheskoy sistem sovremennogo obshchestva : dis. ... d-ra sociol. nauk. — Rostov n/D., 1992.
18. Gumilev H.S. Gil'gamesh". — Pg. : Izd. Grzhebina, 1919 (Perevod-perelozhenie s francuzskogo).
19. Zekrist R.I. Tipologiya koncepcij vlasti: filosofskij analiz // Socium i vlast'. — 2013. — № 2. — S. 39 — 44.
20. Inoue Kiyosi, Okonogi Sindzaburo, Sudzuki Syosi. Istoriya sovremennoj Yaponii. — M. : Izd-vo inostr. lit., 1955.
21. Isaev M.A. Mekhanizm gosudarstvennoj vlasti v stranah Skandinavii. Konstitucionno-pravovye aspekty : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2004. — 371 s.
22. Kalov Z.A. Sovershenstvovanie mekhanizma mezhyudzhetyh otnoshenij v usloviyah transformacii gosudarstvennoj vlasti : dis. ... d-ra ekonom. nauk. — Vladikavkaz, 2004. — 306 s.
23. Lejard Ostin Genri // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya: [v 30 t.] / pod red. A.M. Prohorova. — 3-e izd. — M. : Sovet. encikl., 1969.

24. *Maslikov I.S.* Sudebnaya vlast' v gosudarstvennom mekhanizme Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 1997. — 217 s.
25. *Miyadzhiba X.* Privatizaciya akcionernoj sobstvennosti byvshih dzajbacu i vozniknovenie v Yaponii opirayushchihsya na banki korporativnyh gruppirovok // Korporativnoe upravlenie v perekhodnyh ekonomikah. Insajderskij kontrol' i rol' bankov / pod red. M. Aoki, X. Kima. — SPb., 1997.
26. *Morozov N.A.* Prestupnost' i bor'ba s nej v sovremennoj Yaponii [Elektronnyj resurs] : Dissertat.: nauchnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov. — <http://www.dissertat.com/content/prestupnost-i-borba-s-nei-v-sovremennoi-yaponii#ixzz4l7r0FAE5> (data obrashcheniya: 07.04.2019).
27. *Murav'ev V.V.* Kul'turnye faktory dinamiki narodonaseleniya v pervobytnom obshchestve i drevnih civilizacijah Vostoka : dis. ... d-ra filosof. nauk. — SPb., 2009. — 309 s.
28. *Nacagdorzh S.H.* Iz istorii aratskogo dvizheniya vo Vneshnej Mongolii. — M., 1954.
29. *Prokoshenkova E.E.* Razdelenie vlastej kak princip mekhanizma osushchestvleniya gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2003. — 194 c.
30. *Purezhav S.* Mongol dah' sharyn shashny huraan-guj tuuh. — Ulaanbaatar, 1978.
31. *Sandag S.H.* Vneshnepoliticheskie otnosheniya Mongolii. 1850—1919 gg. Kn. 1. Likvidaciya man'chzhurskogo gospodstva i provozglashenie nezavisimosti Mongolii. Monarhiya Bogdo-hana. 1850—1911. — Ulan-Bator, 1971.
32. *Sanzhdorzh M.* Istoriya Narodnogo gosudarstva. — Ulan-Bator, 1974.
33. Tishendorf Konstantin // Encikloped. slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). — SPb., 1890 — 1907.
34. *Torchinov E.A.* Opyt tekstologicheskogo analiza kitajskih perevodov "Vadzhrahchkhedika-Pradzhnyaparamita-sutry" // Filosofskie voprosy buddizma / otv. red. V.V. Mantatov. — Novosibirsk : Nauka, 1984. — S. 52 — 59.
35. *Fomin O.N.* Politicheskie mekhanizmy regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij : dis. ... d-ra polit. nauk. — Saratov, 2002.
36. *Fedotov A.S.* Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: parametry adekvatnoj teorii : dis. ... d-ra polit. nauk. — Saratov, 2004.
37. *Shomahmadov S.H.* Izuchenie "Almaznoj sutry" iz kolleksii IVR RAN: proshloe, nastoyashchee, budushchee // Pyatye vostokovednye chteniya pamyati O.O. Rozenberga / Tr. uchastnikov nauch. konf. — SPb. : Izd-vo A. Goloda, 2012. — S. 135 — 141.
38. *Yurkovskij A.V.* K voprosu o ponyatii "yuridicheskaya (konstitucionno-pravovaya) geografiya" // Zakony Rossii. — 2008. — № 2. — S. 120 — 124.
39. *Yurkovskij A.V.* Analogii v estestvennyh i gumanitarnykh naukah pri osmyslenii ponyatiya vlasti (gosudarstvennoj vlasti) i ee mekhanizma: genezis konstitucionno-pravovoj gnoseologii // Sib. jurid. vestn. — 2020. — № 2 (89). — S. 34 — 41.